

К читателю

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках последнюю монографию А. Р. Лурии, завершить которую он так и не успел. Ее замысел созрел на протяжении всей его жизни, так как уже в своей работе «Травматическая афазия» (1947) Александр Романович говорит о *строении* речевой деятельности, а не просто о симптомах афазии. Понятия сознания, языка и деятельности для него тесно связаны между собой. Более того, понятие сознания является фундаментальным и сложнейшим в системе психологических понятий, так как его очень трудно вычленишь из системы высших психических функций и изучать как самостоятельную реальность.

Именно поэтому монографию «Язык и сознание» можно рассматривать как выражение единства идей и теорий Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии, как одно из наиболее ярких проявлений культурно-исторического подхода и как объединение (обобщение) в цикле лекций всего самого важного в этой научной школе.

В основе культурно-деятельностной психологии лежит постулат о социальном характере развития психических процессов человека. Одной из центральных проблем этой психологической школы является изучение онтогенеза сознания как высшей формы психического отражения, роли знака (в первую очередь, речи) в формировании сознания, строения сознания, а точнее, связи строения сознания человека со структурой его деятельности, связи знака-слова с деятельностью, знаковой структуры сознания. И это не случайно, поскольку из всех живых существ только человек обладает речью и сознанием. Поэтому изучение взаимосвязи языка и мышления, языка и сознания позволяет не только прояснить их природу, но и раскрыть, как одно определяет развитие и существование другого.

Подойти к пониманию того, как развивается сознание, можно через изучение языка и речи, так как, согласно Л. С. Выготскому, сознание

развивается через взаимодействие речи и мышления, которое «...совершается в слове, а не выражается только в нем» (*Выготский Л. С. Проблема сознания // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. — М.: Педагогика, 1982, с. 162*). А. Р. Лурия придерживается точки зрения Л. С. Выготского и в понимании происхождения априорных (не выводимых из наличного опыта) категорий языка и мышления, указывая на их надындивидуальный, социальный характер.

На первых страницах монографии А. Р. Лурия так обозначает путь анализа проблемы: «...мы подойдем к проблемам сознания и отвлеченного мышления, объединив данную проблему с проблемой языка, и будем искать корни этих сложных процессов в общественных формах существования человека, в реальной действительности того языка, который позволяет нам выделять признаки объектов, кодировать и обобщать их. Это и есть специфика языка, который, как мы уже сказали, раньше был связан с непосредственной практикой, вплетен в нее, а затем постепенно, в процессе истории, начал становиться системой, которая сама по себе достаточна для того, чтобы сформулировать любое отвлеченное отношение, любую мысль» (*Лурия А. Р. Язык и сознание, 1979, с. 25–26*).

Однако главная линия рассуждений в лекциях Александра Романовича переплетается еще с одним важным путем исследования обозначенной проблемы. Этот путь ранее был намечен Л. С. Выготским — путь «...проникновения в структуру деятельности со стороны мозга...», путь, которым «...идут нейропсихология и патопсихология...». Значение этого пути состоит в том, что он позволяет «...увидеть деятельность в ее распаде, зависящем от выключения отдельных участков мозга или от характера тех более общих нарушений его функций, которые выражаются в душевных заболеваниях» (*Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность, 2004, с. 94*). Так, рассматривая процесс формирования понятий и сами понятия, автор обращается к анализу и патопсихологических феноменов, таких как нарушение уровня обобщения при шизофрении или нарушениях развития, что не является характерным для него.

Обращение к психической патологии и нарушениям развития может объясняться рядом обстоятельств. Во-первых, жанр монографии. Это переработанные лекции для студентов, в рамках которых необходимо проводить параллели между научными дисциплинами, ссылаясь на яркие примеры, заинтересовывающие читателя. Во-вторых, это обозначение места патопсихологии и нейропсихологии

в решении центральных и фундаментальных общепсихологических проблем. Но самым убедительным доводом может быть то, что таким образом автор продолжает следовать за своим учителем Л. С. Выготским, продолжает рассуждать вместе с ним.

Л. С. Выготский выделял внешнюю (системную) и внутреннюю (смысловую) структуру сознания. В своих трудах по возрастной психологии он показал, что психическое развитие ребенка определяется изменением межфункциональных связей и отношений, а не развитием отдельных функций. «Сознание развивается как целое, изменяя с каждым новым этапом свое внутреннее строение,.. а не как сумма частичных изменений, происходящих в развитии каждой отдельной функции. Судьба каждой функциональной части в развитии сознания зависит от изменения целого, а не наоборот» (*Выготский Л. С. Мышление и Речь // Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. — М.: Педагогика, 1982. С. 215*). Следовательно, каждый возрастной этап характеризуется своей системой сознания, так как в каждом «...определенные функции стоят в известном отношении друг к другу» (*Выготский Л. С. Раннее детство // Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. 1984. С. 362*). На каждой возрастной ступени будет своя ведущая функция, которой будут подчинены все остальные. Таким образом, появляется возможность прослеживания изменения структуры сознания в онтогенезе и ее изучения при аномалиях развития.

Далее, рассуждая о смысловом строении сознания, Лев Семёнович предлагает в качестве единицы его анализа **значение слова**. Значение у Л. С. Выготского является как бы точкой взаимодействия индивидуального и общественного сознания, носителем и средством передачи социального опыта, средством его усвоения конкретным индивидом. Центральным аспектом значения является **обобщение**. «...Обобщение выступает как функция сознания в целом, а не только одного мышления. Все акты сознания есть обобщение. Такова микроскопическая структура сознания. ...Изменение системы отношений функций друг к другу стоит в прямой и очень тесной связи именно со значением слов...» (*Выготский Л. С. Раннее детство // Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. 1984. С. 363*). Понять это помогает описание детского мышления и нарушений уровня обобщения у психических больных людей.

Напомним, что именно в патопсихологии были систематизированы нарушения мышления и предложена классификация этих нарушений с учетом структуры деятельности по А. Н. Леонтьеву.

Вот почему Александр Романович обращается в своей работе к нетипичной для него феноменологии. Он делает это осознанно и сопоставляет ее с феноменологией патологии речевого высказывания.

Хотя работа и называется «Язык и сознание», в большей степени она посвящена роли языка в формировании сложных форм психической деятельности, связанной с различными уровнями абстрактного мышления или мотивации. Тем не менее вектором этой работы является **проблема сознания**, научное познание которого возможно только в контексте культурно-деятельностной психологии.

Впервые книга «Язык и сознание» была опубликована в 1979 году, но обсуждаемые в ней фундаментальные проблемы о роли языка в формировании психики, коммуникации, мышления являются до сих пор актуальными.

*Ковязина М. С., член-корр. РАО,
доктор психологических наук, профессор*

*Тхостов А. Ш., доктор
психологических наук, профессор*